

Академические будни летели незаметно, и жизнь Сино вошла в привычное русло. Его распорядок был прост до однообразия: учеба, сон на уроках и бесконечные тренировки с Кибой после занятий.

Благодаря высокому воротнику, скрывающему лицо, и неизменным темным очкам Сино мастерски использовал особенности своего места в классе, раз за разом ускользая от бдительного взора учителей. Киба, сидевший рядом, буквально скрежетал зубами от досады. Он готов был изгрызть собственные кулаки, глядя на то, как Сино безнаказанно спит, но жаловаться не смел. Все дополнительные занятия и подготовка к тестам держались на нем: ради заветных баллов Кибе приходилось не просто терпеть, а всячески задабривать своего товарища. О доносах не могло быть и речи.

Сам же Сино на эти метания никак не реагировал. Он жил в своем ритме — тихом, размеренном и, на первый взгляд, совершенно беззаботном.

Конечно, это была лишь видимость. Только Какко, неотступно следовавший за ним, знал, каких трудов стоят ему его скрытые тренировки. Он оставался верен своей привычке: он был человеком с двумя личинами. С одной стороны — загадочный и пугающе эффектный юноша, с другой — невзрачная тень, которую взгляд прохожего игнорировал, даже столкнувшись с ней в упор. И хотя в этом мире он не видел нужды притворяться, привычка брала верх — он предпочитал оставаться «серым пятном».

«Тише едешь — дальше будешь», — рассуждал он. Лишнее внимание ему было ни к чему.

Однако Киба, вечно кипящий энергией, частенько не справлялся с ролью «невидимки». Несмотря на то что по способностям он мог бы занимать первые строчки в рейтинге класса, тот упорно плелся в хвосте, среди безнадежных отстающих. Строго говоря, Сино сидел еще дальше, но его это ни капли не задевало. Он не раз заводил разговоры о том, что пора бы уже показать себя во всей красе, но Сино лишь бросал на него мимолетный взгляд и возвращался к своим мыслям.

Для Сино учеба была лишь экспериментом. Ему важно было понять механику процесса, а не заработать оценки. Его подлинной силой были насекомые, а не стандартные ниндзюцу, однако он внимательно слушал теорию — знание чужих приемов могло спасти жизнь в будущем. Он четко очертил границы своего мира: пока его не трогают, ему нет дела до остальных.

— Киба, ты ведь начал учить технику клонирования давным-давно. Почему до сих пор получается только один?! — голос Сино прозвучал непривычно резко.

Этот парень был загадкой: то ли гений, то ли бестолочь. Первого клона он создал буквально через десять минут после его объяснений, но стоило задаче усложниться до двух — и всё, прогресс встал намертво. А ведь сегодня им предстояло сдавать выпускной экзамен.

За последние недели Киба окончательно доконал Сино своей неповоротливостью в техниках. Ему порой казалось, что он сходит с ума, годами наблюдая за тем, как человек бьется над

простейшим приемом. Киба виновато замер, глядя на него, как побитая собака, а Акамару тут же скопировал выражение морды хозяина.

Этот дуэт отточил искусство «жалобного взгляда» до совершенства. Защитные барьеры Сино, обычно непробиваемые, перед этой атакой давали сбой.

— Ладно, я понял. Слушай еще раз... — Сино вздохнул.

Наедине с Кибой он становился на удивление многословным, порой даже позволял себе ворчать. Но Кибу это не смущало. Сино был для него просто Сино — и этого было достаточно.

Увы, сколько бы Сино ни объяснял, как бы внимательно Киба ни слушал, результат оставался прежним: один полноценный клон и еще «нечто»... Это нечто, напоминающее обмякшую тряпичную куклу, едва ли можно было назвать вторым клоном, но для Кибы это был прогресс.

Вид этого «расплющенного недоразумения» вызывал у Сино головную боль. В конце концов он решил, что с него хватит, и ушел в глубину леса тренировать своих питомцев. Клан Абурамэ специализировался на использовании насекомых, и в Конохе к этому привыкли, но Сино чувствовал себя уютнее среди деревьев. Вряд ли прохожим было бы приятно видеть тучи жуков, если только это не поле боя.

Выпуск из Академии ниндзя наступал в двенадцать лет. Сино считал этот срок вполне достаточным. Теперь, когда на горизонте замаячило звание гэнина, он намеревался серьезно поговорить с Липинем — тот в последнее время совсем заскучал и только и делал, что требовал от Какко развлекать его. Старость не щадит никого, даже таких существ. Если раньше Липинь помыкал им как мальчишкой на побегушках, то теперь он только и ворчал: «Сино, делай что хочешь, только не мешай мне отдыхать».

Он хотел узнать главное: как пробудить в себе собственную чаккру, а не просто распределять её между насекомыми.

— Сино, ну правда, не получается! Объясни еще разок... — Киба и Акамару снова синхронно изобразили вселенскую скорбь.

«За что мне это?» — подумал он, чувствуя, как внутри всё закипает, но покорно начал объяснение заново. Его сопротивляемость обаянию этой парочки стремилась к нулю. При всей своей популярности и куче друзей, Киба, кажется, по-настоящему доверял только ему. Впрочем, учитывая тяжелый характер Абурамэ, к нему и так мало кто рискнул бы подойти.

Со временем он окончательно сменил старые очки на плотные летные консервы. Волосы остались такими же — короткими, черными, с непокорными вихрами на затылке. Несколько прядей челки спадали на лоб, придавая ему бодрый вид, вполне соответствующий возрасту. Но стоило ему появиться на людях — лицо превращалось в бесстрастную маску, отбивающую всякое желание заговорить. К тому же его способности пугали многих: насекомые — зрелище

не для слаонервных.

Лишь Киба был исключением. Видимо, привычка возиться с собаками с детства выработала у него стойкий иммунитет к любой живности.

Когда объявили тему экзамена, Киба просто рухнул на землю, напоминая того самого «расплющенного клона». Худшие опасения оправдались: техника клонирования. Причем условия были жесткими — нужно создать минимум два клона (вместе с оригиналом — три). Для него, который шесть лет бился над вторым фантомом, это звучало как смертный приговор.

— Сино, ты же что-нибудь придумаешь, да?! Ты ведь сможешь мне пройти?! Если мама узнает, что я провалился, она меня живьем в Лес Смерти закопает! Сино, спасай! — Киба завыл так истошно, будто тот уже начал его резать. Вокруг начали собираться любопытные.

Сино вцепился в свой воротник, лихорадочно соображая, как прекратить этот позор.

— Сино! Ты обязан помочь! Иначе... иначе... иначе! — Киба не унимался, заливаясь горячими слезами.

Сино внезапно покрыл руку копошащимся черным слоем насекомых и резко схватил Кибу за плечо. Толпа, увидев это зрелище, с криками бросилась врассыпную. Что ж, Сино не собирался бить друга — ему просто нужно было расчистить место для разговора.

— Хватит. Обсудим дома. Не позорься на улице.

Киба мгновенно понял намек: помощь будет, но нужно убираться отсюда. Слезы высохли сами собой, Акамару радостно твякнул. Шиноби — существа странные, их логику обычным людям не понять.

В доме клана Инудзука Сино приняли по высшему разряду: мягкий диван, ароматный чай, изысканные сладости. Киба же вместе с Акамару покорно забился в угол комнаты. Мать Кибы, Цуме, была женщиной суровой. Узнав, зачем пришел гость, она отвесила сыну воспитательный подзатыльник, лишила его ужина и велела стоять в углу. Все угощения, предназначавшиеся Кибе, перекочевали к нему.

Тот невозмутимо поблагодарил хозяйку и принялся за еду, совершенно не обращая внимания на тоскливый взгляд друга. Иногда поиздеваться над Кибой было даже приятно.

Впрочем, дело есть дело. Оставлять Кибу на растерзание разъяренной Цуме не входило в его планы.

Сам он владел техникой клонирования безупречно, но предпочитал свой метод: он создавал фигуру человека из насекомых, накладывая поверх легкую технику иллюзий. Такой клон был

не просто тенью — он обладал плотью и мог наносить удары. Для него это был идеальный отвлекающий маневр, позволяющий подготовить внезапную атаку. В бою, где жизнь висит на волоске, даже секунда промедления врага решает всё.

— Черт, ну почему не выходит?! — Киба злился всё больше, и его чаккра окончательно разбалансировалась.

Паника плохой советчик. Какко высунулся из-за его воротника и прошептал:

— Его мать сказала — если завтра не сдаст, выкинет его одного в лес к зверью на три месяца. Без права возвращения.

Сино знал те места. Он сам там бывал и даже любил этот лес — там водилось множество ядовитых тварей, благодаря которым его насекомые эволюционировали. Обычные яды теперь были для него не страшнее воды. Но для Кибы это была смертельная ловушка: он легко представил, как тот, проголодавшись через три дня, начнет грызть всё подряд и в итоге либо отравится, либо станет чьим-то обедом.

«Вечно с ним одни хлопоты», — вздохнул он, глядя на горе-ученика.

<http://bllate.org/book/17391/1656961>